

**СЕРГЕЙ
АЛЕКСЕЕВ**

РОССИЯ: МЫ И
МИР

Сергей Алексеев

Россия: мы и мир

«Алексеев Сергей»

2008

Алексеев С. Т.

Россия: мы и мир / С. Т. Алексеев — «Алексеев Сергей», 2008

Сенсационная книга! Впервые Сергей Алексеев, уже давно открывающий удивительные тайны истории, откровенно и без глянца рассказывает о том, что ждет нас в будущем. Его прогнозы вовсе не оптимистичны, некоторых они обязательно шокируют, но мы ДОЛЖНЫ ЭТО ЗНАТЬ, ведь судьба России в руках каждого из нас. Следующие триста лет нам придется идти путем, выбранным сегодня. Кто мы сейчас? Правопреемники славных предков или налогоплательщики, некое народонаселение, заселяющее некую территорию? Пока мы не осмыслим свое прошлое и не выберем свой путь, всяческие разговоры о будущем России, ее политике, демографии, экономике, не имеют смысла! От нас слишком долго скрывали истинную картину, многие из нас жили спокойно и безмятежно. Пришло время переоценки ценностей и «очистки рос»...

© Алексеев С. Т., 2008

© Алексеев Сергей, 2008

Содержание

Кто мы ныне?	5
Язык	10
Культура	21
1. Духовно-волевой потенциал	24
Конец ознакомительного фрагмента.	26

Сергей Алексеев

Россия: мы и мир

«Не (и)щете камни(ей) (на) дне росы (и) не п(о)днимайте, ибо камни л(е)жки в в(о)де и не (подъ)емны (на) (по)верхн(ости), а (по)влекут (на) дно с г(о)л(о)вой... Дабы (о)чисти(ть) росы, затвори(те), в(о)ду п(у)стит(е) (на) нивы. И (об)нажат(ся) камни и (прочие) (на)носы... И буд(ет) труд тяж(ел), (но) благ(о)дарен...»

Предположительно, текст наставления из Весты, XXV–XXIII тысячелетие до н. э.

Кто мы ныне?

Наставление по очистке рос пригодно не только для наших пращуров-земледельцев; оно как нельзя кстати сегодня, когда наши «оросительные каналы» забиты камнями, нечистотами и настолько обмелели, что уже не способны нести живительную влагу на плодородные нивы. Для того чтобы очистить их, и впрямь следует выпустить мутную воду, обнажить наносы и через труд тяжелый, но благородный, уподобившись археологу, снимая пласт за пластом, отыскать или, вернее, достать дна.

Пока мы не поймем, кто мы сейчас на самом деле – правопреемники ли рода своего, потомки ли, достойные славы дедов своих, или всего лишь тень их, жалкое отребье, незаконно рожденные, побочные дети, налогоплательщики, некое народонаселение, все еще сущее на некой территории, или *электорат*, как теперь презрительно нас называют; *пока мы не будем отчетливо представлять себе, кто мы ныне есть, всяческие разговоры и промыслы о национальной идее, а значит, и о будущем России со всеми вытекающими – политикой, демографией, экономикой, не имеют смысла.*

Прежде надо разобраться, *какими* мы вышли из горнила последних трех столетий, из огня и воды бесконечных реформ, войн, революций, «шоковой терапии» и перестроек. Как очнувшемуся от наркоза человеку, нации прежде всего следует прийти в себя, проверить, на месте ли руки, ноги, почувствовать, есть ли голова, не вынули ли душу, пока была в очередной коме. И если две последних составляющих целы, надо вставать и идти, независимо от наличия конечностей. Это отдельному человеку потребуются протезы, а у нации руки и ноги отрастут, если она действительно нация.

Чтобы двигаться дальше, мы обязаны прислушаться к своим чувствам и ощущениям и решить для себя – хотим ли мы оставаться в этническом лоне или мы уже не способны унаследовать национальные нравы и обычаи и нам уже в тягость нести русский крест. Следует включить наше *чувственное мышление* и определиться в пространстве, хотя бы по сторонам света, поскольку следующие триста лет нам придется идти путем, *выбранным сегодня.*

Почему следует осмыслить себя за последние три столетия? Да потому, что историческая периодичность, долгота одного цикла, витка спирали России – *триста три года*, с допустимой поправкой, обусловленной уровнем солнечной активности (+) (—), пять лет. И вертится этот штопор не от эпохи до эпохи, не от одной исторической личности до другой и даже не от значительности событий, хотя они оказывают заметное влияние на переход от цикла к циклу. Счет, например, текущего витка идет от Петровского времени, но не от его реформ и даже не от рождения или физической смерти самого Петра I, а от его духовной гибели – 26 июня 1718 года. Не реформы и не победы в войнах прославили его и сделали Великим – по сути,

ритуальное убийство первородного сына Алексея, своего Наследника. Не станем гадать, как бы повернулась наша история, взойди он на престол, но его мученическая жертвенная смерть возвеличила отца и одновременно стала *духовной смертью* якобы *первого императора* России.

К сожалению, путь к великости лежит через совершение *ритуального греха* – детоубийство, отцеубийство, инцест. Через жертвенное действо по канонам *испытания божьего*, но если ангел остановил руку Авраама, то одержимую руку Петра не остановили ни ангелы, ни бесы.

Это и есть точка отсчета – конца одного периода и начала другого.

Теперь к этой скорбной дате нужно прибавить 303 года и 14 дней, чтобы было по новому стилю. Получается 10 июля 2021 года – окончание исторического, Петровского, витка. Солнечная активность последнего столетия явно повышенная (магнитные бури и связанные с ними волнения, войны), поэтому поправка скорее всего будет *в минусе*, но не на пять, а всего в два-три года. (Активность Солнца увеличивает линейную скорость движения Времени.)

История Отечества имеет глубокую мистическую, сакральную, магическую, метафизическую составляющую, имя которой – Предание. То, что не мертвеет по прошествии времени, не уходит в небытие, а передается!

10 июля 2021 года...

Запомните эту дату!

Со школы привычная нам история своего Отечества, выстроенная лишь на датах и событиях (летописная) и поданная нам в свете *календарной идеологии*, на самом деле имеет глубокую мистическую, сакральную, магическую, метафизическую – в общем, независимую от нашего сознания составляющую, имя которой – *Предание*. Вслушайтесь в это слово – предание, то есть то, что не мертвеет по прошествии времени, не уходит в небытие, а *передается*. Все остальное пыль времен, культурный слой, археологический материал. Ведь человек выращивает фрукты, злаки и овощи не ради дерева, соломы, цветов, даже если они прекрасны, а чтобы получить вершки и корешки, плод, ядро. Отсюда и возникло, что «по плодам узнаем древо». Нам же все время предлагают вторичную ботву прошлого, выворачивая таким образом наизнанку известную истину, и говорят при этом, мол, вкушайте, просвещайтесь и гордитесь.

Мистический плод истории тоже не самоцель познания былых времен; *великий смысл Предания заключен в его семени*. А семя в вызревшем плоде – это и есть РОК, это и есть сосредоточенное в малой частице и неотвратимое БУДУЩЕЕ.

Земного и смертного, способного не только вычленив из плода семя, но еще и, мысленно прорастив его, прозреть на *древо грядущего*, мы готовы называть пророком, хотя на самом деле это не так. Конечно, для современного заблудшего человека, даже ученого-историка, вскормленного соломой истории, это окажется чудом, однако всякий, кто чуть напряг свою *чувственную мысль* и извлек зерно Предания, отлично знает, что из желудя вырастет только дуб, из икры рыбы – рыба, а если мы сегодня посеяли ветер – пожнем бурю.

Пророк – это прежде всего человек, умением и силой молитвы своей к Богу, зная грядущее, способный *изменить* на земле привычный ход вещей в будущем, *неотвратимое сделать отвратимым*.

Пророк – человек, умением и силой молитвы своей к Богу, зная грядущее, способный изменить на земле привычный ход вещей в будущем, неотвратимое сделать отвратимым.

Срок в триста три года в целом для нации не так уж велик, тем паче если учитывать предыдущие минувшие тысячелетия существования этноса. Три века – это тот временной период, что еще поддается нашему «прямому» осмыслению; он подобен только что сваренной стали, залитой в форму времени и начавшей кристаллизироваться по периферии – там, где сильнее теплоотдача. Три столетия – это *расстояние*, на котором сохраняется чувство свежести памяти, живой связи, родства с предками. Например, мой прадед, которого я мог бы помнить, не будь столько войн и потрясений, мог бы застать живым родившегося при Петре I своего прадеда, обладай он хорошим здоровьем и долголетием. Погружение в более глубокие пласты времени вызывает своеобразную «кессонную» болезнь, выраженную в явном ощущении мифичности, легендарности и даже сказочности. Алексей Михайлович с Никоном и своими присными – уже Предание, от глубины которого закипает кровь.

Для ныне живущих реально то, *что можно охватить своими чувствами.*

Итак, триста три года с поправкой в пять лет – полный виток исторической спирали. Я не преследую цели пересмотреть и, тем паче, переписать всю отечественную историю, взглянув на нее сквозь магический кристалл Предания, однако для убедительности все-таки придется отмотать назад еще один виток и взглянуть, какое же сакральное историческое действие произошло в 1415 году. (Надеюсь, вы уже заметили закономерность расстановки цифр в датах? 1718, 2021...)

И теперь 1415 год, когда Великим князем на Руси был Василий Дмитриевич, сын Донского.

Был ли Петр I (а к нему придется обращаться не один раз) первым императором? При нем ли Россия преобразилась в Империю?

Да и нет.

*Вечные противники Москвы титуловали императором (кстати, еще и королем Московским) ничем особенно не выдающегося на первый взгляд Великого князя, которого прежде не называли даже царем, как его отца, Дмитрия Донского. А суть состояла в том, что в период княжения Василия началось **зарождение Империи** и мир, вольно или не вольно, уже почувствовал это.*

Предание донесло до нас иное семя, к сожалению, не замеченное, а вернее, не вычлененное отечественными историками. Существует один любопытный документ от 1417 года – договор о свободной торговле и обоюдном непропуске врагов через свои территории между Москвой и Ливонским Орденом, где Василий Дмитриевич прямо именуется титулом *«император русский»*. Немцы, а с ними поляки и литовцы, присутствующие при заключении договора, отлично разбирались в титулах и знали, кто есть кто и кого как называть в грамотах. Достаточно сказать, что спустя полвека они же выговаривают Иоанну III, что тот не может называться «Великим князем всея Руси», поскольку западные области (Смоленск, Новгород, Псков) находятся под властью польско-литовского королевства.

Что же такое произошло, если вечные противники Москвы титуловали императором (кстати, еще и королем Московским) ничем особенно не выдающегося на первый взгляд Великого князя, которого прежде не называли даже царем, как его отца, Дмитрия Донского? А суть состояла в том, что в период княжения Василия началось *зарождение Империи* и мир, вольно или не вольно, уже почувствовал это.

Если Империю рассматривать не просто как форму власти, а как отдельную, самостоятельную цивилизацию, то она, Империя, не может возникнуть и утвердиться в одночасье либо

по воле некоей личности. Когда же то или иное государство, завоевав своих соседей, объявляет себя таковой, то это ни к чему не приводит, ибо насильное объединение стран еще не есть цивилизация, обладающая главным свойством и признаком – *живучестью*. Примеров тому много, от Империи Александра Македонского до наполеоновской Франции и гитлеровской Германии. Империя как хорошее вино, которое прежде должно выбродить несколько раз, «подмолодиться», набраться крепости, насытиться вкусом да еще и выдержаться, чтобы получить эту живучесть и с годами только крепнуть, а не прокисать, медленно превращаясь в уксус.

Зарождению России имперской способствовали три важнейших события, напрямую с ней связанных. Первое: отец Василия, Донской, не только разгромил Мамаево полчище на Куликовом поле, не только положил начало конца ордынскому игу, но в первую очередь дал генеральное *сражение Востоку* и победил его. Все последующие набеги Орды уже ничего не решали. Второе: спустя ровно тридцать лет после великой битвы искусными дипломатическими стараниями сына, Василия (сейчас бы сказали – манипуляциями), руками Великого князя литовского Витовта, который был ему тестем, и русскими полками из Смоленска, Киева, Полоцка, Витебска и других западных княжеств были наголову разбиты рыцари Ордена под предводительством великого магистра фон Юнгингена. И это была не просто знаменитая битва при Грюнвальде; это был смертельный *удар по Западу*. Никогда уже больше Ливонский Орден не мог влиять на Москву так, как прежде.

И третье событие – Византия, православная Империя, Второй Рим, стремительно погибала под нашествием турок, и православная Русь оставалась ее единственной приемницей.

Немцы вместе с папой прекрасно знали об этом и не случайно наградили Василия Дмитриевича титулом «императора русского». Так что Петр I спустя триста три года был вовсе не первым императором, и сама Империя – цивилизация – уже зародилась, хотя и оставалась признанной пока лишь в Предании. По крайней мере это семя именно тогда было брошено в удобренную почву, и сам Василий уже обладал *имперским мышлением и поведением*, ибо не носился по стране с полками, не воевал, как это делали его предки – Великие князья, а сидел в Москве, дергал за нитки, связанные с Востоком и Западом, и добивался прогрессивных результатов.

Для пущей убедительности открутим еще один виток и позрим на сакральные события 1112 года. Это смерть Святополка и приход к власти *выборного* Великого князя Владимира Мономаха, положившего конец междоусобицам внуков Ярослава Мудрого. Но свершилось не только это явное и зримое деяние. Зерно Предания все-таки состоит в том, что вскоре Русь становится не княжеством, а *царством* и митрополит эфесский, Неофит, посланный в Москву Алексеем Комниным (императором Византии), воскладывает на голову Мономаха царский венец, дает «скипетр и державу» – крест из древа животворящего и чашу императора Августа и при этом провозглашает *царем русским*. И брак его уже чисто династический, королевский: женой становится дочь Гаральда, англосаксонского короля.

Вся история была заново переписана в угоду династии Романовых, то есть представлена в таком свете, что это не Рюриковичи, а предки боярина Кобылина «построили» русское царство, воздвигли империю Российскую, поэтому и был возвеличен Петр I, а не его предшественники.

Знали ли о сем отечественные исследователи истории государства Российского, в том числе и наша «совесть нации», академик Д. С. Лихачев? Знали. Не могли не знать. И упорно *молчали*, дабы мы слишком не просветились и не возгордились.

Но вернемся в наше время и разберемся: *кто мы есть ныне?* Оправдываем ли мы свое самоназвание – «русские»? По праву ли носим *знак принадлежности к этносу*, который вычеркнули из наших паспортов, или только по привычке считаем себя и *пишемся* русскими, как писались обрусевшие иноземцы, а на самом деле уже не принадлежим к его Космосу? Что тут говорить, ведь многие наши соотечественники стыдятся своего происхождения, а то и открыто ненавидят все «тупое и дикое в этой стране». Дикости и тупости в самом деле

хватает, как и во все времена, но назовите мне идеальный этнос без греха? Сосредоточение на самокритике – это, между прочим, положительное качество, указывающее даже не на мудрость, а на глубокую *древность этноса*, ибо все *младосущие* либо искусственно возрожденные народы сосредотачиваются на собственном восхвалении, как дети, еще только познающие мир и утверждающиеся в нем. (Самые яркие примеры – младосущие США и Израиль. Они и держатся-то в одной связке лишь потому, что «рыбак рыбака видит издалека», и одинаково стремятся управлять миром, дабы в нем утвердиться.)

Сосредоточение на самокритике – положительное качество, указывающее даже не на мудрость, а на глубокую древность этноса.

Русский – это не национальность, это судьба.

Я уже писал об этом, но сейчас придется повторить свои давние изыскания, связанные с археологией слова. Не зря говорят, русский – это не национальность, это судьба. Единственное самоназвание национальности человека – «русский» на русском языке звучит как имя *прилагательное*. Какой? – русский. Все остальные названия – существительные: кто? – немец, француз, чех, папуас и т. д. То есть русским может быть человек, по крови принадлежащий к *любой национальности* (и пусть тут умоются злопыхатели, зрящие «природные» националистические русские корни), но непременно *исповедующий* три основных условия:

1. *Владение русским языком в степени, позволяющей думать по-русски.*
2. *Владение бытовой и религиозной русской культурой.*
3. *Обладание русским образом мышления и манерой поведения.*

Все эти обязательные условия выстроены в том порядке, когда из первого вытекает второе, из второго – третье. Это жесткое зацепление полностью исключает возможность владения или обладания чем-нибудь одним; выпадение любой части из целого лишает права называть себя русским. Например, нельзя владеть культурой, не зная языка, хотя можно быть православным по вероисповеданию и даже придерживаться русских обычаев. А не владея первыми двумя, невозможно обладать ни образом мышления, ни, тем паче, манерой поведения. Однако при этом любой человек, поставивший себе цель определиться в «этническом пространстве», довольно легко может стать русским, шагая вдоль этих пунктов, как вдоль верстовых столбов. Однажды в нашей компании случайно оказался казак-якут (когда-то были и такие казаки), на вид натуральный этнический саха, который стучал себя в грудь и утверждал, что русский. Через десять минут общения так и оказалось, причем казак был настолько выразительным, ярким человеком, что я *перестал замечать* его якутский образ. Не имея специального образования (только средняя школа), родившись в казачей семье, где больше говорили на якутском, он владел русским языком, как родным (то есть имел живой слух), владел культурой и отлично ее знал, но самое главное, обладал *русским образом мышления и манерой поведения*.

Язык

Не зря сказано – «в начале было Слово»...

Всякий язык, как и могучая река, собирается из притоков. Наши прапредки именно так и понимали этот процесс, поэтому слова «речь» и «речка» – однокоренные. И мало того, однозначны слова *устье* и *уста*. Воды этого «речного бассейна» смешиваются в единую, и даже самому искусному химику не дано расщепить ее на составляющие. При слиянии еще можно, но в общем русле, а тем более в *устье* этой реки – никогда.

Мы, *ныне живущие*, всегда черпаем и пьем из этого *устья*, а потому и слово, исходящее из наших уст, соответствующее.

Сразу уточню, чтобы не было разночтений. Говоря «русский язык», я имею в виду *великорусский* язык, который включает в себя три мощных притока, три *наречия* – русское (Великая Русь), украинское (Малая Русь) и белорусское (Белая Русь). Именно так и в будущем стану называть каждое из трех составляющих единый славянский народ, хотя предвижу протесты со стороны представителей малороссов, которые по неведению и короткой памяти именуют себя *украинцами*, таким образом вычлениют себя из единого этнического тела и отмежевываются от своей истории.

Название «Украина» произошло от географического месторасположения этой земли, *у края*, то есть тем самым выражается *название места, а не государства*. Эта сторона русских земель действительно находилась у самого края *общего этнического пространства*. Именоваться так народ, а тем паче самоназываться, оскорбительно и недостойно, тем более – образовывать из этого *названия национальность*!

Есть простая и общеизвестная истина: как назовете корабль, так он и поплывет. Когда народ по воле политиков именует себя *крайним*, то он и будет всегда крайним, поскольку магия слова, и особенно *выраженная в самоназвании, произвольно, исподволь формирует сознание, с помощью которого впоследствии и происходит материализация символа*. Вспомните: словом можно убить и воскресить! И еще одна истина – очень опасно играть с изменением имени, ибо одновременно меняется и *судьба*. То есть, отказываясь от своей древней истории, Украина обрекает себя на положение *младосущего государственного образования*. Именно по этой причине большая часть благополучных и древних европейских государств никогда *в корне* не изменяли самоназвания, и Германию, Францию, Британию и прочих мы до сей поры называем так же, как тысячу лет назад (интерпретации не в счет). Малороссов, вероятно, оскорбляет в прошлом имени слово «Малая», поскольку «Великая» и «Белая» звучит на первый взгляд куда благороднее. Во-первых, малая-то малая, но – *Русь*, и размер тут не играет никакой роли. Мал золотник, да дорог, и не случайно Киев – *матерь* городов русских. А случилось это потому, что на берегах Днепра жили предки скелотов, о чем свидетельствует и донныне сохранившаяся традиция выбривать голову и оставлять *косм волос на темени*, который теперь называется оселедец. Из малой Киевской Руси (не Украины!) вышли Великая, Белая и, собственно, Малая, и не было еще тогда ни Москвы и москалей, ни Владимира, ни Смоленска и Минска. И гетмана Хмельницкого не было. (Самое любопытное, малороссы этим гордятся, но когда их спросишь, мол, значит, вы русские, – отрешиваются.)

И язык был единый, разве что состоящий из множества наречий.

Разделение его на три самостоятельных – действо недавнее и *искусственное*, в разное время произведенное из-за амбициозных политических устремлений, не причастных к *существованию собственно языка*. Если по такому способу делить единый великорусский, то их получится десятка три – именно столько речек-диалектов существует до сей поры в

живом языке. Казак с Кубани, например, не сразу разберет, о чем говорит житель с берегов Вятки, а оба вместе они станут смеяться над причудливым говором воронежских, и никто из них вообще ничего не поймет, слушая русскоустыинца с устья Индигирки или семейского старообрядца из Иркутской области. А они все говорят на одном русском.

Живой пример: мысля освободиться от братских русских уз и слиться в объятьях с Западом, нынешние украинские политики спешат перевести школьное образование на «ридну мову». Но им и в голову не приходит, что язык малороссов не приспособлен для усвоения таких наук, как химия, физика, математика, астрономия, и прочих предметов, требующих специальных понятий и терминологии. В любом случае придется использовать русский, что преподаватели и делают. Почему так? Да потому, что «мова» малороссов унаследовала древнюю магическую суть наречия скелотов, существовавшего для совершения обрядовых действий – моления, пения гимнов. Минувшие тысячелетия не стерли, не растворили таинственный вибрационный строй жреческого наречия. Ведь и само слово «мова» происходит от мовить – молвить, взывать к богам, потому и донныне радуется, плачет, трепещет всякая русская душа, когда слышит песни малороссов.

Всем нам, ныне живущим в лоне общей языковой культуры, следует уяснить и зарубить себе на носу, что разделение великорусского языка – *основная проблема его существования в будущем*, донныне не оцененная и способная вызвать не только разделение единого народа (Великая, Малая, Белая Русь), но и *утрату нашей общей этноистории и этнопсихологии, из которой закономерно вытекает утрата основного национального признака*. А когда нет собственного лица, надевают чужое, называемое маской.

И получается маскарад.

Диалектное многообразие языка только подтверждает его древность, величие и *прилагательность*, то есть указывает на *родовую принадлежность носителей диалекта*, тысячелетиями сохраняемую за счет самого языка. Тут и летописи вести не нужно, а лишь послушать говор! И все это потому, что великорусский язык – *основной хранитель и носитель Предания*, включающего в себя важнейшую информацию об *этнопсихологии*, которая так полно не сохраняется ни в летописях, ни в археологическом материале культурного пласта. Попробуйте теперь отчленить от него наречия Малой и Белой Руси!

Например, из сиюминутной политической выгоды отрезать руку, ногу! Что станет с нашим общим языком без подпитки живой и горячей кровью? Останется ли *цельной* в такой взаимной изоляции этнопсихология, то есть *образ мышления и манера поведения*? А что произойдет с нашим *общим Преданием*, носителем и хранителем коего является язык?

И сохранится ли высшее его свойство – *магия*?

Прежде чем говорить о магических свойствах *звучания* языка (магия – магнит, то есть *притяжение, очарование*), следует разобрать этимологию этого слова. Итак, ЯЗЫК – ЯЗ-ЗЫК, переводится на современный буквально как «МОЙ ГОЛОС». (Великая певица Людмила Зыкина не случайно унаследовала голос и фамилию.) Отсюда выходит слово «ЗЫЧНЫЙ» (зычный голос – масло масленое), отсюда же название важной части голосового аппарата – *языка*, с помощью которого мы производим звуки. И отсюда же много позже произошло общее название древних религий – язычество, то есть буквально *моление, пение голосом, взывание*, а вовсе не «природность», как представляется современным лингвистам. Если погрузиться еще глубже

в археологию этого слова, то знак З (впрочем, как и Ж, Г) означает «ОГОНЬ». То есть ЗЫК – огненное, знойное, жаркое слово к высшим силам. Все это говорит о том, что наши прапредки умели взывать к богам, и те внимали страстным речам, поскольку в слове молящихся была «божественная искра» – тот самый огонь, вызывающий **вибрацию определенной частоты**.

С магией языка мы сталкиваемся довольно часто и в обыденной жизни, правда, не всегда воспринимая ее. Как мы сейчас друг друга называем, как обращаемся к незнакомым людям? По физиологическому, половому (?) признаку! Мужчина, женщина, девушка, молодой человек... После перестройки попытались внедрить петровское «господин», а оно не прижилось, ибо в наше время произносится как насмешка.

Вдумайтесь, осознайте это, пожалуйста, и ужаснитесь. И вспомните, еще совсем недавно мы обращались друг к другу так, как и несколько тысяч лет назад, – *сударь, сударыня* (о молодой женщине), *сударушка* (о пожилой). А над нами был старший брат – *государь*. «СУ – ДАРЬ» – в буквальном смысле «сущий, пришедший с даром», с добром, с добрым словом. Чувствуете, как открывается магия?

Или, например, что такое поэзия? Вернее, талант стихотворца? Почему одни вирши нас оставляют равнодушными, а от других прохватывает душу так, что «над вымыслом следами обольюсь»? Так вот, талант поэта – его дар, *умение расставить слова в магический ряд, способный вызвать вибрацию той частоты, которая воздействует на нашу чувственную мысль*. Это же относится к дару певцов на сцене (песни, как и древние гимны богам, – *вибрационный строй*), священников, психологов, политиков и всех тех, кто непосредственно связан с таким тончайшим, ювелирным инструментом, как слово. Почему, например, практически невозможно передать все чувства и краски художественного произведения, написанного живым языком, переведя его на иностранные, особенно англогерманские языки? А потому, что *магический ряд русской речи не перекладывается на другие, даже связанные общим прошлым (индо-иранским, индоевропейским), языки*. Каким бы ни был талантливый переводчик, все равно получится подстрочник. Успешно переводить можно лишь серый поток детективного чтения, со словарем (количество использованных слов в произведении) в полторы или, в лучшем случае, в две с половиной тысячи слов.

Талант поэта – его дар, умение расставить слова в магический ряд, способный вызвать вибрацию той частоты, которая воздействует на нашу чувственную мысль. Это же относится к дару певцов на сцене (песни, как и древние гимны богам, – вибрационный строй), священников, психологов, политиков и всех тех, кто непосредственно связан с таким тончайшим, ювелирным инструментом, как слово.

По нему сейчас и судят за рубежом о нынешней литературе.

К великому сожалению, я должен констатировать **смерть магии в современном разговорном русском языке**. Там, где был огонь, ныне холодный пепел, и только потому мы стали болтливой, говорливой и глухой нацией, пытаясь заменить сакральную суть слова на их количество, при этом не слушая друг друга. И в самом деле, что слушать-то, если слово не достигает ни ума, ни сердца? Таким образом, для сегодняшнего человека язык перестал быть характерным исключительно для великорусской речи *носителем чувственной мысли*, а превратился в некую сигнальную систему, которой пользовались дикие, младосущие племена. Достаточно послушать язык «тусовок» от высшего света до молодежных вечеринок, и тотчас же «клево оттянешься».

Я должен констатировать смерть магии в разговорном русском языке. Там, где был огонь, ныне холодный пепел, и только потому мы стали болтливой, говорливой и глу-

хой нацией, пытаясь заменить сакральную суть слова на их количество, при этом не слушая друг друга.

И создается ощущение, что гибель магической сути *современного* разговорного русского языка произошла на наших глазах – по крайней мере кажется, что наши бабушки еще захватили настоящий «великий и могучий». Однако это не так, процесс начался еще триста лет назад. Можно искать причины в стремительном развитии техники и технологии последнего столетия (мол, бытие определяет сознание), можно сетовать на убыстрившееся от этого Время, на экономику и связанное с ней падение нравов, на происки врагов Отечества, желающих растворить в кислоте национальные особенности, на лагерный жаргон, вышедший из зон (мол, больше полстраны пересидело), на СМИ, на засилие иностранных терминов и прочего резко возросшего влияния на русскую жизнь. Только все это имеет слишком опосредованное отношение к языку и вряд ли может значительно на него повлиять. Русская речь имеет такие защитные механизмы, что трехсотлетнее иго Востока, а потом два века (XVIII–XIX) Запада, когда элита картавила на французском и немецком, не в силах были их разрушить. Напротив, языковое влияние славяно-русского этноса было таковым, что волжские булгары, придя на Дунай, забыли свою речь и заговорили на языке обитающих по соседству племен, а тюркский язык Орды насытился русской корневой основой. Конечно, не без взаимного проникновения, и потому на Украине можно услышать выражение «хата пид залізним дахом», где «дах» на немецком – крыша.

Для того чтобы отыскать истинную причину угасания священного огня родной речи, следует открутить виток и вернуться к его началу, ибо *зерно Предания там*. И – в виде квинтэссенции, в состоянии семени, – но это уже доминанта, содержащая в себе *будущее развитие* процесса и его результат. Как и в случае с Дмитрием Донским и его сыном Василием, где первый подготовил почву, а второй посеял зерно будущей Империи, так и здесь: Алексей Михайлович расколол неприемлемое для Империи «древнее благочестие» и принял новый греческий обряд, а его сын Петр довершил дело отца – «ритуально» *разорвал собственно Язык*, расчленив его своим указом на две части – *церковный и гражданский*.

Человек того времени, обладая религиозным сознанием, не отчленял быт от бытия и, наоборот, осмысливал себя цельным везде.

Да, речь в реформаторском указе идет вроде бы только о светском письме, то есть, казалось бы, о *знаковом способе начертания слова*. Прежний «кирилловский» полуустав остался в сфере духовной, и появился некий новый гражданский шрифт. Однако при этом совершилось отделение духовного языка от обыденного «гражданского». А человек того времени никогда сам себя **не делил на две ипостаси существования**, обладая религиозным сознанием, не отчленял *быт от бытия* и, наоборот, осмысливал себя цельным везде – в трудах праведных, в битвах ратных и перед аналоем. К тому же великорусский язык всегда был *письменным языком*, и традиция эта уходит во времена глубокие, дохристианские, а вовсе не к явлению на Русь младосущих братьев-болгар, взявших за основу «кириллицы» более древнюю азбуку (точнее, одну из существовавших азбук). Отсюда и *бесконечная вера* в написанное, а точнее, *начертанное* слово, ибо прежде писали *чертами* и *резами*, отсюда *священность книги*, отношение к ней как к живому организму, который *может умереть, если книга долго не читается*. У старообрядцев до сих пор существует обычай, когда книгу в таком случае безвозмездно передают тому, кто будет читать, дабы *без человеческого внимания не погибли изложенные в ней истины*. И это неудивительно, если знать этимологию этого слова: К НИ (НЯ, НЫ) ГА, где *к ни, ня, ны* – ко мне, а *га* – движение. То есть «приходящее ко мне»! (Сравнительное: князь-княже – буквально «приносящий ко мне огонь».)

Что же произошло с мироощущением русского человека, с его *религиозным сознанием*, тогда еще существующим, хотя и потрясенным предыдущим Никонианским расколом? А порвалась тончайшая, ныне не ощущаемая материя *цельности души и разума, чувственности мысли*. Быт отодрали от бытия, словно кожу с живого человека. Был создан прецедент, позволяющий человеку раздваиваться, жить одновременно по гражданскому и духовному закону, по совести и разуму. И случилось это потому, что великорусский язык не просто средство для общения с людьми и Богом – это прежде всего *мировоззрение*, тот самый *хранитель и блюститель* этнопсихологии.

Был создан прецедент, позволяющий человеку раздваиваться, жить одновременно по гражданскому и духовному закону, по совести и разуму.

Надо отдать должное – Петр Великий умел рубить, отсекая за один взмах, не только головы стрельцам. По молодой ярости обагрив руки. На сей раз ему бы позавидовали нынешние изощренные Инициаторы «непрямых действий», поскольку он отыскал и нанес невидимый точнейший удар в критическую уязвимую точку.

И никакой тебе крови...

Кстати сказать, знаете ли вы, отчего бояре насмерть стояли, чтоб уберечь свои бороды от петровских ножниц и бритв? Почему противились «цивилизованному» образу? А потому, что в то время на Руси брили бороды исключительно пассивные гомосексуалисты, то есть создавали себе «женский образ». Правда, их было не столько, сколько сейчас, но они были. Именно в этом грехе и подозревали бояре своего молодого и безбородого царя и, разумеется, отчаянно противились, когда он пытался придать им «блядолюбивый» образ – именно так называл Аввакум бритого молодого Шереметева. Надо отметить, что у Петра борода не росла по причине нарушения гормонального равновесия в сторону «женского», откуда и его неврастенический характер, который он всю жизнь старался скрыть подчеркнутой «мужской» жестокостью.

Не срежь он бороды с боярской элиты, «косноязычная» и набожная Русь никогда бы не пролезла в окно, прорубленное на Запад, и никого бы к себе не впустила. Но вскоре сквозь это окно проникли немцы со своим тупым инструментом и принялись обрабатывать отсеченную от языковой плоти петровским топором «гражданскую» конечность языка. Ее, как труп в медучреждении, сначала выварили, отделили и выбросили на помойку мягкие ткани, после чего вынули скелет, отбелили его хлоркой и связали кости стальной проволокой вместо сухожилий. Немецкая этимология, фонетика и морфология всем известна, поскольку, невзирая на искренние старания М. В. Ломоносова, нашу «обыденную» речь разуделали так, что не всякий русский, закончивший филологический факультет, узнает в ней родное слово и, тем паче, узрит его *магию*. Например, откройте любой словарь и взгляните на слово «радуга»: рад – корень, уг – суффикс, а – окончание. Утратился даже природный смысл, не то что сакральное значение. На самом же деле все лежит на поверхности: ра – солнце, дуга – дуга. То есть *солнечная дуга*. (Кому будет интересно, читайте этимологические словари русского языка, составленные немцами, евреями и А. Г. Преображенским, который считал, что наш язык – сплошные заимствования из других, на порядок менее развитых и слабо гармоничных языков. Это очень забавное чтение, что-то вроде тестовой игры на угадывание русской корневой основы – проверка на принадлежность к этнопсихологии.)

Да, за триста три минувших года произошла детерминация живых клеток языка, но!..

К великой радости, наш могучий хранитель мировоззрения оказался иммуностойким и защищенным не только от дураков, но и от сведущих Инициаторов «непрямых действий». Словно ящерица, он оставил в руке Петра и немцев всего лишь хвост: отсеченный «гражданский» со временем обратился в *языковую надстройку* – в мусорный бак, куда весь исторический цикл сбрасывались словесные «модные» отходы, абсолютно лишённые *магии*, и откуда

теперь пополняют свой лексикон все, от политиков и СМИ до бульварных писательниц-домохозяек и «крутого» молодняка. *Общий словарный запас надстройки, включая иностранные заимствования, технические термины, грязные ругательства и сленг, – примерно две с половиной тысячи слов.* Да и то первоначальный смысл их давно утрачен, и мы не задумываясь каждый день произносим слова, сути которых не знаем. Чаще всего случается смешное и курьезное: например, весь круг слов, связанный с удовольствиями, означает не то, что мы думаем (или не думаем вовсе). Само «удовольствие» – это мужской оргазм: уд – фаллос, и получается «воля уда», а не разума. «Удовлетворение» – во-летворение уда, то есть страстное желание соития. Когда вашу волю творит уд, что происходит с умом и разумом? А слово «приятно» – женский оргазм: «при яти», где яти – ять (взять) – овладеть женщиной. То есть так хорошо, как при совокуплении.

Смысл утратился, но внутреннее наполнение слова живо.

Удивительная (не путайте, от «дива») *живучесть* великорусского языка обусловлена тем, что... Впрочем, нет, не стану рассказывать, чем она обусловлена, дабы не выдавать таинственных свойств родной речи, ненужных широкому читателю. Скажу обтекаемо, но понятно: *самосохранение языка заключено в самодостаточности внутренней языковой системы, в обилии и многообразии наречий и говоров, которые и спасли великорусскую речь от мертвящего устаревания.* Помните, если не читают книгу, истины в ней погибают? Точно так же и с языком: если на нем не говорят, его магия угасает сама по себе, как костер без топлива. Так умерло много языков на земле, даже при живых и потенциальных его носителях.

Самодостаточная система языка – это не компьютерный код банковского счета, взломать ее невозможно даже с помощью новейших технологий.

Впервые я был очарован звучанием живой древнерусской речи, когда к нам забрел переночевать (изба стояла на краю деревни, у дороги) богообразный сибирский старик кержак. Моя набожная бабушка сначала было заспорила с ним, как следует молиться, а потом слушала его разинув рот. Дед у меня был неверующим и неревнивым, поэтому преспокойно спал в горнице. А кержак с намавленной бородой и спокойно-горделивым взглядом на память читал псалмы и какие-то тексты, вероятно, из Апостола или Жития Святых, но и когда говорил произвольно, от себя, речь его мало чем отличалась от книжной и тогда показалась *чудесной*, поскольку я с детства слышал привычный вятский диалект дома, а на улице – разномастную, разноречивую речь вербованных, сосланных немцев, поляков, латышей, литовцев, молдаван, «западнцев» и прочих сибирских стратотерпцев.

Рано утром гость перекрестился в пустой угол, поклонился бабушке поясным поклоном, взял котомку, посох и ушел. А я стал допытываться: почему старик говорит так, будто все время молится? И получил в ответ, что это кержак, а они, мол, почти святые, оттого у них и речь такая.

Еще долго с тех пор при упоминании о святости я вспоминал этого кержака (их скитское поселение было на р. Тонгул, в сорока километрах от нас) и думал, что святые и говорят-то чудесно. Спустя много лет, когда уже работал геологом на Ангаре, случайно нашел в тайге брошенный старообрядческий скит, в котором не жили уже лет двадцать. Кстати, еще в восьмидесятых таких скитов, в том числе и жилых монастырских, было предостаточно. Дом оказался замаскированным с воздуха потрясающе: выстроен вокруг приземистого и раскидистого кедра, так что вместо крыши просто густая крона, и потолок засыпан желтой хвоей. (Кстати, потом я выяснил, что это не просто способ маскировки и замена кровли, но еще и так называемая «сень»: эфирные масла, источаемые хвоей, отпугивают кровососущих насекомых и убивают

болезнетворные бактерии.) Внутри избы ничего не было тронуту, словно люди только ушли, и разве что все иструхло и сопрело, но три окошка оказались целыми, набранными из осколков стекла. В красном углу висело два десятка меднолитых икон, в том числе и складней, и деревянный крест, а на низком столике лежали книги, двенадцать штук, сложенных пирамидой. Я забрал из скита только книги и несколько икон, поскольку все эти сокровища едва влезли в рюкзак (остальное потом растащили буровики), унес в лагерь и с тех пор, до конца полевого сезона, учился читать. Вернее, приучивал язык к чудесной речи. Насколько зрительно помню, книги были старопечатные (Федоровской печати с деревянных клише) и рукописные, написанные полууставом, с раскрашенными киноварью буквицами.

И тут выяснилось, что я неграмотный совершенно, поскольку целый месяц только разбирал буквы кириллического письма, а некоторые так и не смог расшифровать, не подозревал, что существуют титулы (подсказать было некому), поэтому мне долго не открывалось *чудо* древнерусской речи. Напротив, получалось что-то непонятное и уродливое. И однажды приснилось, что я читаю, причем так здорово, как тот кержак, с распевом, с ударениями. Запомнил даже текст, который читал! Проснувшись, я схватил книгу, нашел это место и точь-в-точь повторил. Но не вслух, а про себя, то есть мысленно.

Было детское ощущение, когда неграмотная бабушка научила меня читать по букварю – радости было, пожалуй, еще побольше. Как и тогда, свершилось чудо, и я до сих пор уверен, что во мне мой язык *«вспомнил» древнее звучание речи*. То есть *это* во мне уже было! А если так, значит, «вспомнить» может каждый, только надо напрячь сознание, сильно захотеть или просто сутками лежать одному в палатке, когда идут затяжные дожди и работать на природе, в горно-таежной местности, невозможно. Скорее всего генетическая память хранит не саму речь, а *магию слова*, которую и можно вызвать из подсознания.

Мало того, научившись читать про себя, а вернее, «слышать» звучание и повторять его мысленно, как-то спонтанно и неуправляемо я начал представлять прошлое, причем очень далекое, и в красках, с деталями, которые невозможно придумать, с запахами и звуками. Эдакие отрывочные картинки, мало связанные с прочитанным, и возникало полное убеждение, что так все и было. Еще тогда мне пришло в голову, что в этой старой бумаге слежавшихся страниц, в коже переплетов и особенно в способе начертания букв есть еще *что-то*, кроме того, что можно прочесть: некие тайные знаки, ключи, открывающие далекое прошлое. Среди книг оказался Пролог осенних месяцев, и вот, наткнувшись на описание убийства князя Глеба «окаянным» Святополком, увидел их обоих живыми: Глеб был невысокого роста, с проплешиной на голове, волосы редкие, слипшиеся от пота, а лицо сильно веснушчатое, злое, но белки глаз голубоватые и в руке плетъ. Святополк, напротив, высокий, длиннорукий, с густой светлой бородой и когда-то разбитым, в мелких шрамах, расплюснутым носом – его будто бы в детстве лягнула лошадь. Они не дерутся, но просто стоят друг против друга в непонятном месте, и, похоже, ситуация критическая, Глеб чем-то недоволен и даже взбешен, а Святополк, наоборот, спокойный и безоружный, синяя рубаха до колен и сверху расстегнутый овчинный колушок без воротника, сшитый швами наружу. И из швов торчит шерсть.

И будто я откуда-то знаю, что Глеба не зарежут, как это сказано в житии, а задушат его же плетью, но не сейчас, а через некоторое время.

Это были не зрительные видения, а некие мысленные картины-вспышки, которые потом можно было «рассматривать» в памяти.

Естественно, рассказывать об этом я не мог, народ в отряде был хоть и романтичный, но суровый и однозначно решил бы, что у меня съехала крыша от тоски (подобное бывало). Но когда просили, я читал книги вслух у костра (причем сначала про себя и лишь потом озвучивал фразу): слушали очень-очень внимательно...

Кстати, а с моими «букварями» произошло вот что: поскольку зимой я жил в общежитии, то девять их было некуда, а две книги по возвращении с поля сразу же украли. Поэтому, когда выпало лететь в Красноярск, погрузил их снова в рюкзак, отвез и сдал в областной музей. А день был выходной, поэтому какой-то дежурный студент-сотрудник сначала не хотел принимать: мол, завтра приходи, но когда заглянул в рюкзак, то принял и даже написал мне справку. Спустя полгода я снова оказался в городе и зашел в музей, чтобы узнать, что за сокровища я отыскал в ангарской тайге. И справку показал. Поднялся переполох, ибо моих книг никто не видел – студент их просто забрал себе, а мне выписал какую-то липу. Ну и ладно, все равно не пропали, а наоборот, возможно, их до сих пор читают, и истины, изложенные там, не погибнут.

Не общее образование и не ученость, а уровень владения языком определяет уровень сознания.

Скажу вещь на первый взгляд неожиданную и даже парадоксальную: не общее образование и не ученость, а *уровень владения языком определяет уровень сознания*. Это сообщающиеся сосуды. Станным ведь кажется, что в древности, когда не было университетов, Интернета, общеобразовательных и даже церковно-приходских школ, люди вовсе не были темными глупцами, а напротив, отличались потрясающей мудростью – откуда бы тогда сформировался русский язык, содержащий в себе *всю ныне научно доказанную информацию о мире и мироздании*? Это уже в средние, «просвещенные», века начали рвать языки и сжигать на кострах тех, кто пытался вольно рассуждать о Вселенной, космах небесного света (отсюда космос) и о Земле как о шаре, да еще, мол, шар этот – вертится...

ЗЕМЛЯ в переводе с русского на русский – Емлющая Огонь.

Наши необразованные прапредки, например, с потрясающей содержательной точностью давали названия планетам, как будто летали вокруг них или, на худой случай, рассматривали в мощнейший телескоп. Откройте любой этимологический словарь и взгляните на слово «Земля» – это представление современного умного человека о нашей планете. На самом деле **ЗЕМЛЯ** в переводе с русского на русский – *Емлющая Огонь*. З – знак огня, света; имать-емать-емкий-емлющий – берущий, воспринимающий. (Более знакомое – *водоем*.) То есть когда человек был *одарен речью* или, скажем так, когда формировался язык, люди прекрасно знали, что вокруг Земли холодные планеты, *не емлющие огонь*, а значит, не имеющие атмосферы, мертвые, не пригодные для житья. Кроме того, издревле они четко делили понятия Земли как планеты и земли как суши, почвы, и в этом случае называлась она *Твердь* – место существования человека. (Кстати, слово «почва» – почать (начать) – означает буквально «начало»: для землепашца это на самом деле так.) Христианство, исключая радость земной жизни, все поставило с ног на голову, и получилось «земная хлябь и небесная твердь» – это к вопросу о маги-

ческой сути языка и что происходит, когда вещи называют не своими именами. Твердь имела свой знак «», начертание которого означает примерно следующее: «Что из почвы (*начала*) вышло (выросло), то в почву (*начало*) и обратится», то есть замкнутый, вечный земной цикл существования. (Переключатель у этого знака не что иное, как отсечение от «космоса» – верхней связи, а загнутые треугольничком ее концы – зерна, семена, падающие при созревании в почву.) И все, что стоит на тверди, непременно будет иметь этот знак в сочетании со знаком «» – *стол*, *стена*, *стан*, *столб*, *ступня* и т. д. Мало того, наши неученые прапредки выделили еще одно состояние земли-тверди и обозначили его как «АР» – возделанная, плодородная пашня, и отсюда появилось слово *арать* (орать) – пахать, или, как говорили в старину, «воскрешать» землю, где *крес* – огонь (кресало – огниво). Поэтому того, кто арал и воскрешал никогда не паханное поле (дикую твердь, целину), называли *ары*, или *арии*, а потом – *крести*, откуда и возникло слово «крестьянин» (не от «христианин»), то есть живущий «с сохи». В Западной Сибири есть река Тара (и одноименный город), что буквально переводится как «воскрешенная земля», да и сама Сибирь еще не так давно (на картах Меркатора) называлась Тартар – буквально «воскрешенная земля в воскрешенной земле», *благодать в благодати*. Если вспомнить М. В. Ломоносова и запасы полезных ископаемых, то «прирастать Сибирью» в скором времени будет не только Россия. На Русском Севере течет река Тарнога, что означает «пришедшая воскрешенная земля»: там повсюду ледниковые моренные отложения, принесенные из Скандинавии, но плодородные, если возделывать. Там же неподалеку река Коченьга и село Кочвар, где *коч* – передвижение, кочевье в благодатную землю.

Разве ныне назовут планету так величественно, красиво и емко – ЗЕМЛЯ?

Но все-таки самое главное слово, возникшее отсюда, – **творчество**, когда *Твердь* превращают в *Ар*. Твар, тварение или творение – это *возжигание жизни* на безжизненной тверди, то есть прорыв, огненное соединение замкнутого земного цикла и Космоса.

Можно и дальше продолжать археологию этого великого слова, но у меня сейчас иная задача и хочется только воскликнуть:

– Разве ныне назовут планету так величественно, красиво и емко – ЗЕМЛЯ?

Усредненный, урбанизированный человек может родиться, прожить жизнь и умереть, не вкушая ничего слаще морковки, которую выдернул из языковой надстройки. Он даже может быть образованным, но только в тех пределах, которые допускает его лексикон, полученный из «раковой опухоли» языка. Я слышал фантастические лингвистические рассуждения одного из популярных, блистающих «ученостью» ведущих на ОРТ, который вывел слово «гражданин» из французского (!) языка! Фамилии называть не стану потому, что большая часть народонаселения России тоже так думает и всех не перечислить. Видно, отдал ведущий это слово французам лишь потому, что считает все «прогрессивные» слова в русском языке заимствованными из других. Так вот, специально для заблуждающихся: гражданин – житель города (града), а для человека, живущего за *ограждением*, *горожанина*, селянин – житель села (поселения).

По сути, современный человек живет в железной языковой клетке, как узник, сам себя усадивший за решетку (изгой). Чувствуя это интуитивно, он всегда будет *мечтать о свободе*. Из таких мечтателей собирается слепая уличная толпа, которой очень легко манипулировать и которая по команде «фас», отданной с применением довольно примитивной магии слова (возникновение неформального лидерства), готова снести не только торговые палатки, но и любую власть, вознести плебея на императорский трон.

Природу современных революций и бунтов следует искать здесь. Экономические и социальные предпосылки вторичны.

Человек, если он не маугли, а существо социально-биологическое, обладает одновременно *образно-словесным и словесно-образным мышлением*. (От этого и возникают лирики и физики.) Реверсивность составляющих тут зависит от конкретной ситуации или психотипа личности. В любом случае свои образные думы он переводит в слово, если хочет их выразить, либо связка эта удлинняется, когда слово высекает искру мысли, впоследствии опять же переведенную в слово. То есть наше мышление состоит в *жесткой связке с языком*. Чисто образным мышлением обладают лишь глухонемые от рождения. Если человек, в том числе ученый муж, вплотную подступает к некоей образной мысли, но выразить ее не может; когда, как говорят, на «уме крутится», но в слово не воплощается, это *явный недостаток владения языком*. Ломоносов стал великим, потому как кроме науки занимался живой русской речью и писал стихи; немка Екатерина II, овладев великорусским, сочиняла пьесы. Многие мыслители интуитивно тянулись к познанию языка, ибо только чарующая магия его способна к творчеству – возжечь огонь и трепет мысли.

Владение родным языком – ключ к сознанию и познанию мира, к той самой чувственной мысли, чаще называемой несколько затасканным ныне словом духовность.

В начале было Слово!

Как может мыслить, о чем думать развитый, «цивилизованный» человек, словарный запас которого такой же, как у первобытных дикарей? Может ли он называться русским и есть ли у него национальность вообще? Для интереса включите телевизор или откройте любую многотиражную газету (а это ведь у нас основной «источник» слова после убогой школьной программы) и посчитайте с карандашом в руке. Только не нужно говорить, что это некий журналистский, служебный, информационный язык!

Это раковая метастаза.

Владение родным языком – **ключ к сознанию и познанию мира**, к той самой *чувственной мысли*, чаще называемой несколько затасканным ныне словом *духовность*.

Нынешний русский человек, оказавшийся в языковом вакууме, однако интуитивно жаждущий мыслить (самый захудалый русский мужичок непременно философ), мыслит более всего образами. Но в силу своего речевого порока, тем более владея дарованной ему свободой слова, не находит самовыражения и, как следствие, *самореализации личности*. Он, как рыба, выброшенная на берег из родной стихии, лежит и молча хлопает ртом. Отсюда происходит психологический сдвиг – комплекс неполноценности, по природе точно такой же, как у *глухонемого от рождения*. А ну-ка попробуйте, поживите молча! Хотя бы неделю, месяц! Если бы глухонемые вдруг мгновенно обрели слух и дар речи, первыми их словами стали бы слова о том, как они нас, слышащих и говорящих, ненавидят.

Даром называется единственная из многих способность, которой обладает человек, – **ДАР РЕЧИ**. Магия этих двух слов, бережно сохраненная языком, уходит в такую глубину тысячелетий, когда люди еще помнили, *Чей это Дар*.

Самое жестокое наказание – *вынужденное молчание*, тем паче молчание говорящего человека (за исключением, пожалуй, добровольного обета молчания). Поэтому за хулу карали, вырывая язык, за выкрикнутую правду или непокорное слово заливали в рот расплавленное олово.

ДАР РЕЧИ. Магия этих двух слов, бережно сохраненная языком, уходит в такую глубину тысячелетий, когда люди еще помнили, **Чей это Дар**.

Пресловутая мрачность нашей нации, как бы ее ни пытались взвеселить всевозможные «кривые зеркала», продиктована в первую очередь неспособностью или невозможностью выразить словом переполняющие ее сознание мысли.

В этом мрачном вынужденном молчании таится мощная взрывная сила, сопоставимая с ядерной, когда высвобожденная через обретенное слово «тепловая» энергия мысли в скором времени перевернет мир.

Дело в том, что языковая надстройка, эта раковая опухоль, напоминает плотину, затворившую основное русло реки и усмирившую природную стихию. Есть даже кажущаяся польза от этого – вода крутит турбины, которые вырабатывают энергию, то есть наше *санкционируемое сознание*. Сразу за плотиной река превращается в застойное водохранилище, которое питается неусмирленным, живым током вод всего «речного бассейна». Это рукотворное море и есть *современная литература*. Всем известно, что водохранилище при определенных условиях может покрыться ряской и даже загнить на мелких местах, издавая зловоние, но, к счастью, в нем есть *фарватер* (стремнина, стрежень), обычно приуроченный к основному руслу реки, где глубоко и где всегда есть движение.

Однако нет ничего вечного, под напором вод все обращается в прах, в песок, поскольку «вода камень точит». А случаются и стихийные весенние паводки, способные в одночасье разрушить даже прочнейший железобетон...

Культура

Принимая на вооружение заимствованное из другого языка слово, следует обращаться с ним как с обоюдоострым холодным оружием, то есть осторожно, с опаской. А лучше всего отыскать синонимы в своем языке, благо что они в русской речи непременно найдутся, и оперировать ими, ибо тогда откроется смысл предмета или явления. Иноземное слово хоть и достаточно легко вплетается в языковую ткань, однако в итоге не приживляется, не врастает в плоть по той причине, что всегда будет выбиваться из магического ряда, ибо несет в себе *неравнозначную энергию*. Например, некоторые оголтелые поклонники русского языка (а таковые есть, ибо в обществе назревает протест против языковой метастазы) пытаются растолковать слово «культура» как культ Ра, то есть культ солнца, что по крайней мере выглядит глупо. И пусть тут не обижаются *оголтелые*: по древнему русскому обычаю до пояса *оголяли тело* те, кто в сражении шел на смерть.

Слово «культура» в русском языке и в самом деле произошло от латинского «кул-тус» (дух, объект поклонения) и русского обобщающего и в какой-то степени освещающего «ура», по тому же принципу, как были обобщены и освещены многие иностранные слова – адвокатура, профессура и т. д. Под термином «русская культура» следует понимать не только сочетание православных христианских воззрений на мир, исконного обрядового комплекса, этнических особенностей во всех областях искусства; это прежде всего *самостоятельная, независимо существующая цивилизация, сложившаяся на принципах духотворения*.

Точный синоним слова «культура» в русском языке – *одухотворение*. Чувствуете, как безликое слово наполнилось глубоким смыслом, красками и чарующим действием?

Точный синоним слова «культура» в русском языке – одухотворение.

«Министерство культуры» – звучит очень знакомо и понятно современному сознанию, возникают некоторые ассоциации, хотя ведь все равно будто песок на зубах или битое стекло под ногами. А «Приказ одухотворения» (дословный перевод) – вовсе нелепость, если не сказать больше, и это потому, что *культурой управлять можно, одухотворением – нет*.

Должно быть, вы заметили, что в период реформ и революций (с петровских дней и до нынешних) в русском языке под видом того, что в нем якобы нет аналогов, сразу же появляются десятки чужеземных слов, призванных *скрыть истинный смысл* происходящего. И тут не надо быть провидцем, чтобы разглядеть, как пытаются ввести в заблуждение общество, предлагая консенсус вместо согласия, ваучер вместо доли, культуру вместо одухотворения и так далее.

Духотворность – это *способ* познания мира. И он включает в себе два взаимосвязанных направления – Мировоззрение (веру) и Искусство (от искуса – искушение), то есть догмат и стихию творчества. И здесь трудно сказать, что первично, ибо познать Бога можно через искусство и наоборот. Например, рукотворная икона, выполненная простым смертным из дерева и красок, может обрести чудотворность, если она *живописна*, то есть наполнена жизнью, духом. Точно так же вселить дух можно в картину, литературное произведение, музыку, ювелирное изделие и даже в архитектурное сооружение. В общем, потрясти воображение и вызвать чувственную мысль может все, к чему прикасается *одухотворенная* человеческая рука.

Поэтому и сказано, что созданы мы по образу и *подобию* Божьему.

Вечное стремление не к удобству и роскоши, а к одухотворенности всего круга жизни и есть понимание *русскости культуры*. Иными словами, *национальность определяется по способу познания мира*. Не зря говорят, русский глазам не верит, ему все нужно пощупать руками, то есть

прикоснуться, насытить духом, а если точнее, *ладом*. Отсюда возникло слово «ладонь» – дающая лад, а от ладони, например, меч-кладенец, сталь, наполненная боевым воинским духом, вложенным (кладь, клад) в нее руками кузнеца и *владельца*. «Владеть» – это вовсе не властвовать, как сейчас понимается, а буквально делать лад, *в ладе деять*, потому и «владыка» – не бесконечный властитель чего-то, но человек, способный творить лад, приводить в порядок, одухотворять. Об этом помнили еще совсем недавно, когда греческое «епископ» перевели на русский и получился владыка. Еще один красочный пример – ладья, лад-дья, где «дья» – бешенство, буйство (дьявол – буйный бык, вол). То есть ладья – умиротворяющая, *ладящая*, приводящая в лад стихию бурного потока, моря, либо стихию Последнего Пути при переходе в мир иной, откуда и обычай хоронить (предавать огню) в ладьях.

Русский способ познания мира – приведение его в лад, достижение гармонии через приложение творчества.

Русский способ познания мира – приведение его в лад, *достижение гармонии* через приложение творчества. Из дикой, первозданной Тверди следует сотворить плодородный Ар. Отсюда появляется вечная жажда *осмыслить этот мир* и как следствие – желание изменить его: кому-то помочь (американским индейцам, когда их истребляли испанцы, испанцам, когда пришел фашизм, колониям избавиться от колониальной зависимости и т. д.), кого-то спасти (грузин, армян, болгар, малороссов от туретчины) – в общем, жизнь положить «за други своя», облагодетельствовать. (Совершенно другой вопрос, нужно ли это миру?) В этом проявляется характерное отличие русского этноса – *отсутствие национального эгоизма* (нам всегда совестно перед всем миром). И это же обстоятельство является специфическим признаком самостоятельной, *открытой* цивилизации, не похожей ни на Западную, техничную и потребительскую, ни на Восточную, созерцательную и самодовлеющую. Дабы избежать неясностей с иноземным словом «цивилизация», возьмем его синоним – мир.

Россия – это самосуший **Духотворный Мир**, существующий между двумя другими мирами – Западным и Восточным, как третья составляющая *Триединства Мира*.

Дабы избежать неясностей с иноземным словом «цивилизация», возьмем его синоним – мир. Россия – это самосуший Духотворный Мир, существующий между двумя другими мирами – Западным и Восточным, как третья составляющая Триединства Мира.

Пример с обыкновенным школьным магнитом, раскрашенным всего в два полюсных цвета, синий и красный. Однако у него существует *третья*, самая таинственная часть с совершенно иными свойствами – *немагнитная середина*, из которой и вырастают магнитные полюса. Эта середина, а точнее, ось двух противоположных полюсов – положение России в Триединстве цивилизаций. Если же еще точнее, то всякие точки на плоскости вращающихся полюсов будут описывать определенные круги – чем ближе к центру, тем меньше и наоборот. При этом создастся магнитное поле с изменчивым напряжением. В немагнитной оси вращения есть единственная точка, находящаяся одновременно в *движении и покое*. Такое состояние и есть не похожий ни на что Духотворный Мир, странная и непонятная Россия, загадочная русская душа...

Авторы идеи мировой революции отлично знали, в какую почву бросить свои зерна. Созерцательный Восток их бы не принял, ибо воспринимает мир таким, каков он есть, как, впрочем, и умозрительный Запад, выверяющий алгеброй гармонию.

Открытость не есть незащищенность или, хуже того, беззащитность; напротив, это – качество и особая форма защиты Духотворного Мира (иной и быть не может), которая часто

вводила и вводит в заблуждение соседние культуры и «блуждающие кометы», составляющие буфер между мирами как на Востоке, так и на Западе. Одна только Польша, «блуждающая комета», до сей поры не приставшая ни к какому берегу, страдающая комплексом неполноценности и вечно смущенная доступностью русского престола, много раз ходила искать его и даже спровоцировала два мощных бунта внутри России (Болотников, Пугачев), заметно повлиявших на ход истории. Да и нынче нас не жалует, хотя от бывшего шляхетского гонора и жажды величия почти ничего не осталось. Впрочем, как и надежд на российский трон.

Неистребимая русская привычка не запирает двери на замок – в лучшем случае подпереть ее батоном, чтоб не открыло ветром, порождает вечный соблазн даже у братских, но несведущих народов, обитающих в *зонах разлома культур*, войти и что-нибудь взять, а то и вообще сесть в красном углу и распоряжаться. Иногда оба противоположных мира наваливались скопом, например, нашествие крестоносцев во времена монгольского ига, иногда поочередно, однако с ритмичностью в 10–30 лет. Запад и Восток стремились разодрать Россию напополам, чтобы закрутить оторванную часть в свою орбиту, того не подозревая, что тем самым пытаются разрушить *неразрушаемое Триединство*. Попробуйте разломить тот же магнит хоть на две, хоть на несколько частей: у каждой непременно появятся два противоположных полюса и немагнитная середина...

*Запад и Восток стремились разодрать Россию напополам, чтобы закрутить оторванную часть в свою орбиту, того не подозревая, что тем самым пытаются разрушить **неразрушаемое Триединство**.*

Существует четыре основных признака, определяющих *культуру как цивилизацию*:

1. Духовно-волевой потенциал

Как известно, основателей Рима, Ромула и Рема, волчица вскормила своим молоком. Волчьим, от которого они получили фермент, перестраивающий генетическую природу травоядных в *хищников*. В результате мифическая волчица вскормила *элиту* будущей цивилизации. Возникшая впоследствии Римская империя (включая ее тысячелетний Византийский период), обладающая высоким духовно-волевым потенциалом, стала *объектом для подражания* на все времена до наших дней включительно. Как для Запада, так и для Востока. Турция (Османская империя, «правопреемница» Византии), Русь (Москва – Третий Рим, а четвертому не бывати), Франция (наполеоновская Первая империя), Германия (Священная Римская империя Оттона, Германская империя Бисмарка, Третий Рейх Гитлера). После Второй мировой войны *идея Третьей Римской империи* наконец-то переехала за океан, в северо-американские штаты, и поселилась на заранее построенном Капитолийском холме в Вашингтоне. (Капитолий – это один из семи холмов, где возник Древний Рим и где стоял Капитолийский храм, в котором заседал сенат.) Там она, эта идея, живет и поныне, а чтобы поддерживать духовно-волевой потенциал на высоком уровне, военно-политическая элита США до сей поры вкушает «*молоко волчицы*» – беспрестанно ведет холодные и горячие войны во всех регионах мира. И особенно символические войны на территориях бывших Великих империй (Ближний Восток, Афганистан, Ирак, в скором времени Иран).

Однако дело это безуспешное по нескольким причинам. США – младосущее государственное образование, и его народонаселение еще не сформировалось в нацию – этносы не могут складываться по писаным законам либо чьей-то воле и в короткий срок. Современное состояние американского общества более похоже на партию, где жизнь собранных с миру по нитке людей регламентирована строгим уставом и программой – а как известно, партии существуют для достижения власти. Далее: военно-политическая элита Соединенных Штатов, обладая умозрительными качествами хищников, управляет «травоядным» обществом, по сути, законопослушным стадом овец. Кроме того, США – островное государство, территориально (космически) оторванное от древних культур как Запада, так и Востока (великие империи приурочены к середине Земли); американцы все время путают *духовно-волевой потенциал* с экономическим потенциалом, что является признаком младосущности. Создание цивилизации (империи) потребления – американская мечта.

Духовно-волевой потенциал не известен «травоядным», откуда они не получают *фермента*, как получили его Ромул и Рем; он, этот фермент, не культивируется, как религия, не приобретается, как условный рефлекс, не возвращается в мирное время; *он добывается исключительно в оборонительных и освободительных войнах* (кроме междоусобных гражданских), как в победоносных, так и проигранных (жажда реванша), и хранится в генетической памяти носителей *духовно-волевого потенциала*.

Это и есть тот самый фермент, полученный из «молока волчицы».

Войны вынуждают этнос припадать к ее сосцу, возбуждают хищный нрав, дабы взрастить элиту – парадокс существования человечества, стремящегося к гуманизму.

* * *

В России уже давно идет обратный процесс, разумеется не без ненавязчивого влияния извне, причем обработка сознания ведется с раннего детства (подмена ориентиров): травоядный заяц все время обманывает и наказывает волка, символический образ героя, коему следует подражать, – бесполой, безвидовой чебурашка, лунтик и прочие суррогаты...

В общем, установка на безобидных ежей в тумане: почуял опасность – свернись в клубок.

Философия мимикрирующего «маленького человека» была развита в русской классической литературе (Гоголь, Достоевский, Чехов и прочие гуманисты), глубоко проникла в наше сознание и практически полностью изменила наши представления о добре и зле, исказила «поганые, негуманные» понятия богатыря, *героя*, как сильной, храброй, мужественной личности, способной творить *великое*.

Последний государь Российской империи – дитя своего времени, и его конец следовало предвидеть.

Тупиковая модель «империи потребления», которая работает, например, в США, *исключительно только в условиях высокого и постоянно растущего ВВП* и которая навязчиво и небезуспешно предлагается нам как мечта, в скором времени может привести к кризису, уже известному в России и на первый взгляд незаметному, поскольку он никак не выражен в денежном эквиваленте, – **к выключению духовно-волевого потенциала из жизнедеятельности государства**. Того самого потенциала, который за последние триста три года, несмотря на многократные реформы, революции, перестройки, *неослабевающее чужеродное влияние* (особенно начиная с 1903 года), довольно стабильно удерживает русский этнос (имеется в виду Великую, Белую, Малую Русь) *в сфере этнокультуры* (образ мышления, манера поведения, национально-историческая идентификация), а страну – *от развала* (это косвенно доказывает последняя перепись населения).

Но если поражение следует за поражением, и не по причине слабости и трусости солдата, а по злой воле сверху (Русско-японская, Финская, первая чеченская кампании), если по той же воле рвутся последние надежды на справедливость общества и власти, если позади все разрушено, а впереди отсутствует цель существования, то обязательно последует выключение духовно-волевого потенциала. Причем происходит это практически в одночасье, словно и в самом деле щелкнул выключатель и не свет гаснет, а мы становимся тяжелыми на подъем, ленивыми, нелюбопытными и *безразличными к судьбе собственного Отечества*.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.